

УДК 882-4

СИНТЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА «А...А»

© Т.Б.Васильева-Шальнева

Целью данной статьи является исследование произведения Е.Гришковца «А...а» с точки зрения наличия в нем документальной и художественной составляющих. Автором рассматриваются основные способы их функционирования и механизмы взаимодействия. Структурный алгоритм произведения представляет собой вариативное использование знаков культурного поля, детерминированное сознанием рассказчика. Результатом исследования становится выявление специфики использования документального и художественного начал в повести Е.Гришковца «А...а» как отражения процессов мифологизации и демифологизации. В этот процесс параллельно вовлекаются и многогранная объектная действительность (собственно страна Америка), и разнородное личностное пространство субъекта повествования.

Ключевые слова: автодокументальная проза, мифологизация, демифологизация, иронический дискурс, знак культуры, я-центрическая концепция.

Использование в современной художественной литературе документального компонента является достаточно распространенным явлением. Изучением данного аспекта художественной литературы занимаются многие исследователи, однако сложно не согласиться с авторитетным мнением Е.Местергази, что «одна из насущнейших задач сегодняшнего дня состоит как в разработке более совершенного категориального аппарата, так и в придании литературе с главенствующим документальным началом научно закрепленного статуса на основе историко-теоретических исследований художественной природы таких произведений и особенностей их функционирования» [1].

В данной статье предполагается выявление специфики художественного и документального начал в произведении Е.Гришковца «А...а» (2010). Это произведение принадлежит к разновидности автодокументальной прозы и может рассматриваться как мемуарно-беллетристическое: с одной стороны, в нем фиксируется неоднозначный процесс формирования в сознании советского ребенка (подростка, молодого человека) образа Америки, с другой стороны, отражается генезис и динамика так называемых «личностных смыслов» автора-рассказчика.

Формирование образа чужой страны представляется явлением многоступенчатым и диалектическим, результатом которого становится создание некоего мифологизированного образа Америки. Рассказчик отражает процесс формирования этого образа прежде всего через фиксирование отдельных знаков культурного пространства. Так, в произведении упоминаются такие известные большинству советских детей книги, как «Волшебник Изумрудного города»

А.Волкова, «Хижина дяди Тома» Г.Бичер-Стоу, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, произведения Фенимора Купера. Важное место в повести Е.Гришковца занимают также «экзотические» образы кинофильмов соответствующей тематики, в частности образы индейцев и ковбоев.

Можно отметить вариативность включения этих «знаков культуры» в текст произведения.

Так, с одной стороны, рассказчик может просто фиксировать свое впечатление от того или иного явления или образа. Например, применительно к книге А.Волкова акцентируется трепетное чувство глубокого восхищения, демонстрируется эффект полнейшего проникновения читателя в художественную реальность, в том числе и благодаря великолепному визуальному ряду, созданному художником-иллюстратором Л.Владимирским: «Где-то в том же возрасте, или чуть позже, мне читали книгу «Волшебник Изумрудного города». Там девочка Элли ... Ой! Нет смысла пересказывать эту книгу. Те, с кем в детстве эта книга случилась, и так ее помнят, а с кем не случилась, тем нет смысла ее пересказывать. А книга была любимая, родная и перечитанная в детстве много раз... Иллюстрации в ней были не просто засмотрены до дыр, они были детально изучены и до сих пор накрепко уложены и закреплены в памяти»[2].

С другой стороны, «знаки культуры» могут включаться в произведение через использование ретроспективного плана, как, например, в воспоминании рассказчика о новогоднем утреннике, не только навсегда сформировавшем в его сознании образ ковбоя, но и отразившем ощущение какого-то особого отношения к этому образу отца героя (автора костюма): «я отлично помню,

что, когда мне было лет пять, родители сделали мне костюм ковбоя на новогодний детский праздник. Сохранилась даже фотография... Мне сделали картонную шляпу, надели на меня клетчатую рубашку, к брюкам пришили бахрому, папа укоротил свои старые подтяжки, и для полноты образа на шею мне повязали мамин платочек. А главное, папа сделал из отслуживших свой срок маминых сапог две кобуры и ремень. В одну кобуру вложили красный пластмассовый пистолет, который мог брызгать водой и слегка напоминал револьвер, а в другую – железный игрушечный пистолет, не похожий ни на один реальный аналог. Пистолеты были самой слабой частью костюма. На ногах у меня были кеды. Но я почему-то был уверен, что для ковбоя это самая подходящая обувь» [2].

Далее рассказчик фиксирует свои детские впечатления от «погружения» в образ ковбоя («Мне нравился костюм, мне нравилось быть ковбоем... А мне не хотелось переодеваться после праздника. Я готов был идти домой по морозу ковбоем. Я хотел восхищенных взглядов, я хотел зависти...» [2]).

В контекст воспоминаний рассказчика включается также и ощущение-переживание отцовского разочарования от не состоявшейся, но явственно ожидаемой победы в конкурсе на лучший новогодний костюм («А папа после того карнавала был какой-то грустный. Сейчас я думаю, что он хотел успеха и триумфа сделанного им костюма. А этого триумфа не случилось. Лучшими были признаны снежинка лет четырех и толстый Кот в сапогах» [2]). Обращает на себя внимание, что указание причины грусти отца определяется рассказчиком логически и соотносится с дискурсом его «взрослой» ипостаси; «детский» дискурс с фиксацией «был какой-то грустный» представляется семантически более точным, так как предполагает различные варианты обоснования этого состояния. В контексте смыслов произведения детерминантой «грусти» выступает скорее ощущение отцом рассказчика неизменности обыденной жизни, в которой всегда торжествует банальность, и возрастному сознанию необходимо принять эту истину, однако, принимая ее, человек признает свой возраст как своеобразный символический рубеж, ставящий крест на свойственной молодости внутренней потребности не верить в очевидное во имя желаемого.

В повести Е.Гришковца «знаки культуры» включают в себя и некие номинативно-виртуальные образы, связанные с визуальным оформлением непонятных для ребенка слов, определяемых их звуковым или смысловым наполнением (небоскреб, прерия). Восприятие на слух слов,

отражающих реалии чужого мира, рождает причудливые, иногда нелепые и даже пугающие зрительные образы (например, слово «небоскребы» воспринимается ребенком буквально: огромные дома, скребущие небо).

Мифологизация образа Америки осуществляется в произведении и через семантику заглавия «А...а», предполагающую разные смысловые интерпретации (даже интонационно это название может прочитываться неоднозначно: от угрожающего до иронического).

Особого внимания в избранном аспекте исследования заслуживает композиционная организация произведения.

На первый взгляд, она связана исключительно с отражением оппозиции Россия – Америка (справедливости ради отметим, что ценностные приоритеты рассказчика в данном случае носят мерцающий характер). Любопытно, что обе страны оказываются идентичными в плане основополагающих характеристик, каковыми являются с точки зрения физических параметров – географическая обширность, протяженность рассматриваемых объектов, с точки зрения психоэмоционального восприятия – загадочность, потенциальная глубина, неоднозначность.

С одной стороны, обращает на себя внимание «зеркальность» образов России и Америки (так, горки в Парке культуры именовались «американскими» в России, и «русскими» в Америке; тождественна и аксиология героических личностей обеих стран и т.д.). Но если применительно к России категорию «загадочности» можно определить скорее как концептуальную, метафизическую, то загадочность Америки детерминируется ситуативно – пустотой, точнее неполнотой, а также деформированностью информационного пространства.

Сначала оппозиция «Россия – Америка» имеет четкую семантическую наполненность: обыденное, скучное, серое – волшебное, сказочное, прекрасное. Однако постепенно аксиологическая определенность размывается, на смену мифологизации образа Америки приходит его демифологизация. Так, например, прекрасная американская мечта синонимизируется в восприятии рассказчика с жадной наживы и желанием обладания властью любой ценой (в то же время образ России остается практически неизменным, поэтому странная и «серая» в физических параметрах российская действительность по-прежнему обладает метафизической привлекательностью). Справедливости ради следует отметить некоторую неоднозначность позиции рассказчика, которая реализуется через иронический дискурс применительно к обеим частям оппозиции.

Топосы России и Америки связывает сквозной образ друга рассказчика математика Бориса, эмигрировавшего в Америку в начале 90-х XX века. Его функция в произведении является амбивалентной, так как, с одной стороны, рассказчика связывают с ним самые добрые воспоминания, и тем самым Борис, можно сказать, «эмоционально укоренен» на родине, но его последующий отъезд и разрыв связей с рассказчиком детерминируют восприятие Америки как мира чуждого и чужого, отнимающего дорогое, лично важное: так на уровне подтекста образ Америки все-таки включается в смысловую парадигму «образ врага».

Вторая составляющая книги связана с реализацией в ней так называемых «личностных смыслов». Одной из особенностей творчества Е.Гришковца является то, что его привлекает «не столько жизнь в ее временном потоке, сколько бытование каждой составляющей частицы мира в пределах одной секунды, и отсюда парадоксальная невозможность выразить все желаемое в пределах этого короткого времени. Интимный характер повествования сменяется стенограммой различных чувств и ощущений, отражая часть жизни героя, его биографии, его внутреннего мира» [3].

Под «личностными смыслами» нами понимается развернутая мировоззренческая картина, существующая в сознании повествователя и структурированная им по я-центрическому принципу. Для рассказчика является важным осознание своего отношения к Америке, так как этот образ выступает важной составляющей его «личностной реальности» как выборочного представления о константах действительности, их пропорциях и формах взаимодействия.

Рассказчик анализирует динамику и диалектику функционирования этого образа в своем сознании, выявляя целую парадигму эмоциональных состояний (в том числе восхищение, разочарование, грусть и другие). Анализируя собственное состояние сознания, рассказчик констатирует факт отсутствия желания увидеть Америку при наличии реальных возможностей для поездки.

Возникает странная форма восприятия действительности (Америка присутствует в сознании рассказчика как миф, «калейдоскоп» многочисленных, отрывочных чужих впечатлений, однако этот миф об Америке оказывается предпочтительнее, чем ее реальное, осязаемое восприятие).

«Личностные смыслы» рассказчика определяют стремление удержать в сознании привычный образ, отвергая возможность проверки реальностью. Привычный образ настолько важен в я-концепции личности рассказчика, что его разрушение гипотетически может нарушить дистанцированно-гармоничный образ себя-прежнего, сломать инерцию восприятия мира и себя в нем (а эта инерция в системе «личностных смыслов» скорее позитивна, чем негативна). Мифологизация внутреннего личностного пространства рассказчика, таким образом, не допускает ситуации столкновения с реальностью, что на уровне подтекста становится выражением механизма его демифологизации.

Итак, включение документального компонента в произведении Е.Гришковца «А...а» носит фрагментарно-номинативный характер, преимущественно связанный с фиксацией отдельных «знаков культуры», моделирующих образ Америки. В функциональном плане документальный компонент определяет наличие сюжета становления личности рассказчика, то есть продуцирует беллетристический ряд произведения.

1. *Местергази Е.Г.* Художественная словесность и реальность (документальное начало в русской литературе XX века): автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.01.01. – Москва, 2008 // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-87489.html>. (дата обращения 30 июля 2014).
2. *Гришковец Е.* А...а // URL: <http://bookonline.com.ua/read.php?book=4742> (дата обращения 30 июля 2014).
3. *Гончарова-Грабовская С.Я.* Монодрама в творчестве Е.Гришковца // Вестник БГУ. Сер. Филология. – 2009. – № 3. – С. 26 – 31. // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/56465> (дата обращения 30 июля 2014).

SYNTHESIS OF FICTION AND NON-FICTION IN EUGENE GRISHKOVETS' WORK «АH...АH» («WELL....WELL»)

T.B.Vasilyeva-Shalneva

The aim of this article is to study the work of E.Grishkovts «Ah.....Ah» («Well....Well») in terms of its fictional and non-fictional components. The author discusses the main ways of their functioning and their interaction mechanisms. The structural algorithm of the work is represented by the variative use of cultural field tokens determined by the narrator's consciousness. The research resulted in identifying the features of fictional and non-fictional nature of E.Grishkovts' story «Ah.....Ah» («Well....Well») which re-

flect the processes of mythologizing and demythologizing of the objective reality (America) as well as of the personal space of the narrative subject.

Key words: autodocumentary prose, mythologizing, demythologizing, ironic discourse, token of culture, self-centric conception.

1. *Mestergazi E.G.* Hudozhestvennaja slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v russkoj literature HH veka): avtoref. dis. ...dok. filol.nauk: 10.01.01. – Moskva, 2008 // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-87489.html>. (data obrashhenija 30 ijulja 2014).
2. *Grishkovec E. A...a* // URL: <http://bookonline.com.ua/read.php?book=4742> (data obrashhenija 30 ijulja 2014).
3. *Goncharova-Grabovskaja S.Ja.* Monodrama v tvorchestve E.Grishkovca // Vestnik BГУ. Ser. Filologija. – 2009. – № 3. – S. 26 – 31. // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/56465> (data obrashhenija 30 ijulja 2014).

Васильева-Шальнева Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: t.b.vs@list.ru

Vasilyeva-Shalneva Tatiana Borisovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: t.b.vs@list.ru

Поступила в редакцию 01.08.2014